

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-3-60-65
УДК 343.233

Дата: поступления статьи / Submitted: 16.05.2020
после рецензирования / Revised: 20.06.2020
принятия статьи / Accepted: 28.08.2020

Научная статья / Scientific article

Н. Н. Аськов

Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: askoff@mail.ru

О СОГЛАСИИ ЛИЦА НА ПРИЧИНЕНИЕ ЕМУ ВРЕДА ПРИ МЕДИЦИНСКОМ ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ИСКЛЮЧЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ДЕЯНИЯ

Аннотация: Статья посвящена пониманию согласия лица на причинение ему вреда при медицинском вмешательстве как возможного обстоятельства, исключающего преступность деяния. Проанализированы признаки правомерности согласия лица на медицинское вмешательство. Дана уголовно-правовая оценка медицинского вмешательства. Представлены результаты социологического опроса путем анкетирования медицинских работников на предмет возможности осуществления ими медицинского вмешательства без согласия пациента. Проведен сравнительный анализ информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство и согласия потерпевшего на причинение ему вреда. Уделено внимание особенностям медицинской деятельности как исключительной профессиональной деятельности. Предложено изменить редакцию главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации путем ее дополнения статьей 42¹ «Причинение вреда лицу с его согласия».

Ключевые слова: согласие лица на причинение вреда; согласие лица на медицинское вмешательство; обстоятельства, исключающие преступность деяния

Цитирование. Аськов Н. Н. О согласии лица на причинение ему вреда при медицинском вмешательстве для целей исключения преступности деяния // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 60–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-60-65>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

N. N. Askov

Samara State Medical University, Samara, Russian Federation.
E-mail: askoff@mail.ru

ABOUT THE CONSENT OF A PERSON TO MAKE HARM TO HIM UNDER MEDICAL INTERVENTION FOR THE PURPOSE OF EXCLUDING CRIMINALITY OF THE ACT

Abstract: The article is devoted to the consent of a person to harm him as a possible circumstance, excluding the criminality of an act in medical activity. The signs of the legitimacy of a person's consent to medical intervention are analyzed, a criminal-law assessment of medical intervention is given, a version of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed by adding Article 42¹ «Causing harm to a person with his consent».

Key words: consent of the person to cause harm; consent of the person to medical intervention; circumstances excluding criminality of the act.

Citation. Askov N. N. *O soglasiu litsa na prichinenie emu vreda pri meditsinskom vmeshatel'stve dlya tseley iskl'yucheniya prestupnosti deyaniya* [About the consent of a person to make harm to him under medical intervention for the purpose of excluding criminality of the act]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 3, pp. 60–65. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-60-65> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Николай Николаевич Аськов** – начальник правового управления, Самарский государственный медицинский университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Чапаевская, 89.

Область научных интересов: обстоятельства, исключающие преступность деяния, уголовная ответственность медицинских работников.

© **Nikolay Nikolayevich Askov** – head of the Legal Department, Samara State Medical University, 89, Chapaevskaya Street, Samara, 443099, Russian Federation.

Research interests: circumstances that exclude criminal acts, criminal liability of medical workers.

Согласие лица на причинение ему вреда является примером обстоятельства, которое не закреплено в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, однако фактически признается таковым в правовом поле.

В различных нормативных правовых актах тем или иным образом учитывается волеизъявление лица на причинение вреда собственным интересам как вариант реализации частного интереса при решении вопроса о привлечении виновного к ответственно-

сти. И это не только положения уголовно-процессуального законодательства, например о частном и частно-публичном обвинении, но и предписания материального уголовного права. Так, в примечании к ст. 122 УК РФ регламентируется освобождение от уголовной ответственности лица, поставившего в опасность заражения либо заразившего ВИЧ-инфекцией другое лицо, которое было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения (за исключением

деяний, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 указанной статьи).

Некоторые авторы в связи с задачей разграничения преступного и не преступного поведения используют термин «согласие потерпевшего», а не «согласие лица на причинение ему вреда». В. И. Михайлов указывает, что лицо, которому с его согласия причинен вред, не может рассматриваться потерпевшим в уголовно-процессуальном смысле этого термина, поскольку в соответствии со ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) лицо может быть признано потерпевшим только процессуальным решением: незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела путем оформления соответствующего постановления дознавателем, следователем, судьей – или определением суда в случае совершения преступного деяния вопреки интересам данного лица и причинения ему вреда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице [1, с. 368]. С нашей точки зрения, использование термина «согласие потерпевшего» формально-юридически допустимо, поскольку соответствующее обстоятельство уже учитывается при назначении наказания, когда уже процессуально подтверждены факты виновности лица, совершившего преступление, и наличие потерпевшего. Следует признать, что по своему смысловому значению термины «согласие потерпевшего» и «согласие лица на причинение ему вреда» весьма близки в связи с задачами понимания как обстоятельств, исключающих преступность деяния, так и обстоятельств, смягчающих наказание.

Вопрос о придании согласию лица на причинение ему вреда уголовно-правового статуса обстоятельства, исключающего преступность деяния (общественную опасность деяния либо уголовную ответственность лица), давно в фокусе внимания многих научных исследователей. При этом позиции относительно уголовно-правовой природы этого обстоятельства и степени свободы лица по дозволению причинения себе вреда не всегда совпадают.

По мнению Н. С. Таганцева, одного из классиков отечественной уголовно-правовой науки, согласие обладателя нарушенного интереса устраняет преступность имущественных посягательств, посягательств на честь и целомудрие. Вместе с тем этот автор ставил под сомнение возможность исключения или даже уменьшения ответственности при наличии согласия лица на посягательство на телесную неприкосновенность, т. к., по его мнению, «сложно будет установить в таком случае границы дозволенного» [2].

А. А. Пионтковский, профессор Императорского Казанского университета, также считал согласие потерпевшего обстоятельством, устраняющим общественную опасность деяния, акцентировав при этом внимание на вопросе, нарушаются ли права потерпевшего, которые находятся в его свободном распоряжении. К последним он относил имущественные права и интересы [3, с. 393].

В последующем эти идеи получили развитие в советском и российском уголовном праве.

Например, А. Н. Красиков писал, что посягательства на самого себя, свои личные блага, как правило, не являются уголовно наказуемым деянием, а, наоборот, могут характеризоваться даже как общественно полезное поведение [4, с. 25–27].

Т. Ю. Орешкина, говоря об исключении преступности деяния по определенным категориям дел, указывает в качестве критериев этого на необходимость присутствия общественно полезной цели (спасения жизни или здоровья другого человека) и позитивных мотивов, одобряемых общественной моралью (мотива сострадания) при наличии согласия лица на причинение вреда его здоровью, делегированного другому лицу. Т. Ю. Орешкина обращает особое внимание на необходимость серьезной регламентации такого согласия, а также исключение правомерности согласия потерпевшего на лишение его жизни [5, с. 82].

Аналогичной позиции придерживается А. В. Савинов. При этом он выделяет задачу учета специфики сферы общественных отношений, в которой причиняется вред потерпевшему с его согласия. По мнению А. В. Савинова, правомерно причиненный вред, связанный с достижением общественно полезной цели (медицинская операция), может быть по степени опасности для лица, высказывающего свое согласие (просьбу), выше, чем опасность вреда, не связанного с такой целью [6, с. 328].

Напротив, З. Б. Соктоев и А. Р. Ринчинова подвергли сомнению тезис о необходимости присутствия общественно полезной цели для учета согласия потерпевшего на причинение вреда. Как отмечают эти авторы, «возможны ситуации, в которых лицо согласено на причинение вреда собственному здоровью и даже желает наступления подобных последствий при отсутствии какого-либо полезного для общества целеполагания». В качестве примера приводят апелляционное определение Московского городского суда от 26.10.2017, отменяющее приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 26.06.2017 по делу о причинении вреда здоровью потерпевшему в результате отработки приема борьбы. Суд в апелляционном определении указал на непосредственное влияние согласия потерпевшего на квалификацию деяния, хотя общественно полезными действиями участников назвать нельзя [7, с. 127–128]. Считаем необходимым заметить, что тезис о желании потерпевшего при отработке приемов самообороны наступления последствий в виде причинения вреда собственному здоровью представляется спорным, ведь воля потерпевшего в таких ситуациях направлена на овладение соответствующими техниками и приемами, а что касается причинения при этом вреда его здоровью, то данный факт носит вероятностный характер и лишь допускается им, обычно в определенных разумных пределах.

М. В. Панов заключает, что здоровье не относится к правам и интересам, которые находятся в свободном распоряжении лица, дающего согласие на причинение вреда, ссылаясь на опрос сотрудников правоохранительных органов, но не учитывая

нормативной базы [8, с. 120]. Однако статьей 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) закреплено право граждан на отказ от медицинского вмешательства (причем исключений из этого правила всего шесть), наиболее вероятным последствием чего может быть дальнейшее ухудшение состояния их здоровья вплоть до летального исхода. Кроме того, статья 11 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее – Закон № 4180-1) предусматривает возможность изъятия органов и (или) тканей у живого донора для трансплантации реципиенту при наличии соответствующего согласия донора, данного свободно и сознательно в письменной форме. Изъятие органов и (или) тканей у живого донора есть не что иное, как причинение вреда его здоровью без каких-либо положительных для него последствий.

В условиях современных реалий, когда повышаются запросы общества на качественное здравоохранение и распространяются новые угрозы для жизни и здоровья людей, особенно актуальным является исследование значения волеизъявления лица на причинение ему определенного вреда в процессе медицинской деятельности как возможного обстоятельства, исключающего преступность деяния. Медицинская деятельность представляет собой особую разновидность профессиональной деятельности человека, которая сопровождается причинением вреда, хотя и с позитивной целью. По сути, профессия медицинского работника – единственная, при которой официально разрешено причинение вреда человеку (в рамках борьбы с патологиями). Фактически медицинские работники, ежедневно выполняя свои профессиональные обязанности, следуя Клятве врача, «балансируют» между строгим соблюдением официальных стандартов и предписаний и необходимостью спасения жизни и здоровья пациентов.

Необходимо отметить, что основанием для возбуждения уголовного дела в отношении медицинского работника при причинении им вреда здоровью или жизни пациента чаще всего является заявление о преступлении, подписанное потерпевшим, либо его законным представителем, либо третьим лицом. В связи с этим можно сделать вывод о наличии прямой связи между количеством возбужденных уголовных дел «ятрогенной» направленности и количеством жалоб и заявлений пациентов на действия (или бездействие) медицинских работников. При значительном упрощении процедуры подачи жалоб и заявлений посредством сети Интернет соответствующие письма направляются заявителями в самые различные органы государственной власти: Министерство здравоохранения РФ, Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения, органы прокуратуры, МВД, Администрацию Президента РФ и др.

Отправной точкой (первопричиной) причинения вреда пациенту при оказании медицинской помощи является осуществление в отношении него медицинского вмешательства. Согласно Федерально-

му закону № 323-ФЗ, медицинское вмешательство представляет собой выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности. Из приведенного определения видно, что медицинское вмешательство затрагивает практически все аспекты медицинской деятельности, и абсолютное большинство действий медицинского работника по отношению к пациенту (от термометрии до полостной операции) при выполнении профессиональных обязанностей охватывается этим определением. По оценке О. М. Сариева, «любое медицинское вмешательство в той или иной степени причиняет вред здоровью пациента» [9, с. 243]. В самом деле, при вакцинации в организм вакцинируемого вводится препарат, содержащий убитые или ослабленные возбудители заболеваний, вызывая иммунный ответ и зачастую различного рода осложнения. Любая хирургическая операция начинается с анестезиологического пособия, способного спровоцировать появление осложнений (при интубации трахеи, введении препаратов, угнетающих функции центральной нервной системы), продолжается неизбежным повреждением кожи, слизистых оболочек и сосудов, применением антисептиков и антибиотиков с соответствующими неблагоприятными для организма последствиями. При рентгеноскопии человек получает определенную дозу лучевой нагрузки, что также не сказывается благоприятно на состоянии его здоровья.

Именно поэтому осуществление медицинского вмешательства воспринимается медицинскими работниками как профессиональный риск. Соответственно, необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя. Краеугольным камнем правомерности данного пациентом или его законным представителем такого согласия является предоставление медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах данного медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи. Именно по этой причине в названии этого согласия присутствует термин «информированное», т. е. предполагается, что пациент (его законный представитель) принимает решение о возможности причинения вреда его здоровью в том или ином объеме для достижения одобряемой цели на основании информации, которая предоставляется ему медицинским работником.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что с позиции уголовного права информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмеша-

тельство представляет собой согласие лица на возможное причинение ему вреда и может трактоваться как обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Как и любое обстоятельство, закрепленное в главе 8 УК РФ, информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство характеризуется определенными условиями правомерности.

Первым условием правомерности данного обстоятельства является *действительность согласия*. Э. Л. Сидоренко под ним понимает психологическую и социальную готовность лица осознавать правовой характер и последствия согласия на причинение вреда своим правам и законным интересам, с условием достижения этим лицом возраста уголовной ответственности – 16 лет [10, с. 503]. С. В. Расторопов, рассматривая указанный признак, делает акцент на понятии дееспособности, прямо включая ее в название признака, при этом пользуется нормами гражданского и семейного законодательства для установления необходимого возраста лица для дачи согласия на причинение вреда своему здоровью, т. е. 18 лет [11, с. 84].

Законодательство Российской Федерации в сфере здравоохранения предусматривает право гражданина на дачу согласия на осуществление в отношении него медицинского вмешательства, а равно отказ от него при достижении возраста 15 лет, за исключением лиц, страдающих наркоманией, а также при оказании лицу наркологической помощи или при его медицинском освидетельствовании в целях установления состояния наркотического либо иного токсического опьянения – в этих случаях лицо приобретает право на согласие на медицинское вмешательство либо отказ от него по достижении 16-летнего и 18-летнего возраста соответственно. При этом обращает на себя внимание определенная коллизия между Федеральным законом № 323-ФЗ и Гражданским кодексом (далее – ГК РФ). В соответствии со ст. 21 ГК РФ способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении 18-летнего возраста. Таким образом, несовершеннолетний пациент старше 15, но младше 18 лет в соответствии с нормами Федерального закона № 323-ФЗ имеет право на самостоятельное оформление своего согласия на медицинское вмешательство, например искусственное прерывание беременности. Но поскольку в силу возраста у него отсутствует в полном объеме гражданская дееспособность, он не может являться стороной договора, в том числе оказания платных медицинских услуг, что противоречит принципам приоритета интересов пациента при оказании медицинской помощи, доступности и качества медицинской помощи, а также соблюдению прав граждан в сфере охраны здоровья, закрепленных ст. 4 Федерального закона № 323-ФЗ.

Учитывая изложенное, считаем обоснованным и целесообразным признать правомерным согласие

лица на причинение ему вреда при достижении им возраста 15 лет, когда иное не предусмотрено законом.

Следующим признаком правомерности согласия пациента на медицинское вмешательство является *добровольность*. При этом С. В. Расторопов обращает внимание на то, что добровольность должна являться свободным волеизъявлением лица, что определяет путем исключения вынужденного волеизъявления [11, с. 84]. В самом деле, добровольность должна присутствовать при даче согласия лица на медицинское вмешательство, однако утверждение, что любое согласие на таковое является таковым, представляется ошибочным. Граждане, давая свое согласие на проведение в отношении них вакцинации, зачастую руководствуются не своей доброй волей, а требованиями законодательства. Так, Постановлением Правительства РФ от 15.07.1999 г. № 825 утвержден перечень работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями и требует обязательного проведения профилактических прививок, соответственно, лицо дает свое согласие на вакцинацию исключительно с целью трудоустройства. Письмо Роспотребнадзора от 22.02.2013 № 01/1970-13-32 «О профилактике желтой лихорадки» содержит указание на то, что лица, у которых отсутствуют свидетельства о вакцинации против желтой лихорадки, въезжающие на территории стран, где присутствуют переносчики желтой лихорадки, либо совершающие поездки из стран, имеющих риски передачи желтой лихорадки, могут быть подвергнуты карантину на время инкубационного периода (шесть дней), медицинскому обследованию или иным профилактическим мерам, вплоть до отказа во въезде в страну, в соответствии со статьей 31 Международных медико-санитарных правил (2005 г.). При предусмотренных санкциях вакцинация становится обязанностью. Таким образом, условие добровольности означает личное волеизъявление лица при наличии у него определенной свободы выбора поведения.

Следует еще раз обратить внимание, что согласие лица на причинение вреда его здоровью в виде согласия на медицинское вмешательство может считаться добровольным лишь при условии информированности этого лица обо всех аспектах этого вмешательства в соответствии со ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ. Если лицо не было проинформировано медицинским работником должным образом, следовательно, оно не обладало достаточным объемом информации для надлежащего выражения своей воли.

Третьим признаком рассматриваемого обстоятельства можно назвать *своевременность согласия*. В. И. Михайлов пишет, что такое согласие должно быть дано до начала совершения вредоносных действий и обратной силы не имеет [1, с. 370]. Применительно к согласию лица на медицинское вмешательство данный постулат полностью укладывается в особенности его правового регулирования в ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ, в которой указывается на признак предварительности согласия лица в отношении предстоящего медицинского вмешательства. С точки зрения закона дача лицом согласия на причинение ему вреда после соверше-

ния в отношении него опасных действий является примирением сторон и в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, может являться одним из оснований прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 25 УПК РФ.

Еще одним признаком правомерности согласия лица на причинение ему вреда является *определенность согласия*. Имеется в виду четкий и определенный характер волеизъявления лица, которое понимает, какие именно и в каком объеме его права и интересы могут быть нарушены с его согласия. Применительно к медицинской деятельности это условие не всегда реализуется. С одной стороны, пациент дает согласие на конкретное медицинское вмешательство, в отношении которого он проинформирован в объеме, предусмотренном законом. С другой стороны, в практике хирургов нередко возникают ситуации, когда во время операции, на которую пациент оформил свое согласие, обнаруживается другая патология (например, опухоль), о которой до этого момента не было известно и на устранение которой пациент согласия не давал и по объективным причинам дать во время операции не может. Согласно положениям ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ, в данном случае медицинское вмешательство может быть осуществлено без согласия пациента при угрозе его жизни.

Для выяснения мнения медицинских работников по данному вопросу был проведен опрос (путем анкетирования) 72 врачей, в том числе хирургов-онкологов. Вопрос в анкете был сформулирован следующим образом: «Будете ли Вы осуществлять медицинское вмешательство без согласия пациента, когда такое согласие получить невозможно – например, при случайном обнаружении во время операции опухоли, о которой пациент не знал и/или не сообщил и на удаление которой он не давал своего согласия?» Из 72 опрошенных 37 ответили положительно (из них 7 – при условии принятия такого решения врачебным консилиумом), а 35 – отрицательно, сославшись на ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ (соответственно, 51 и 49 % опрошенных). Результаты анкетирования позволяют сделать вывод об отсутствии общей позиции в медицинской среде по этому вопросу: одни медицинские работники готовы предпринять определенные действия в интересах пациента, не подвергая при этом его риску повторной операции со всеми сопутствующими рисками, формально нарушив требования законодательства; другие предпочитают не рисковать, поставив положения закона впереди фактических интересов пациента. Следовательно, отсутствие нормы законодательства, регулирующей правоотношения медицинских работников и пациентов в подобной ситуации, является своеобразным «очагом нестабильности» в плане наступления возможных гражданско-правовых и уголовно-правовых последствий. Введение нормы о согласии лица на причинение ему вреда в уголовное законодательство в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, могло бы способствовать разрешению этой проблемы.

Представляется, что в круг условий правомерности согласия лица на причинение ему вреда следует также включить условие законности распоряжения теми правами и интересами, на нарушение которых лицо дает свое согласие. С. В. Расторопов называет соответствующий признак иначе – «наличие права на согласие» [11, с. 84], Э. Л. Сидоренко – «допустимость» [10, с. 505].

Как уже отмечалось, многие авторы указывают на спорный характер права лица давать согласие на причинение вреда своему здоровью и тем более жизни. Однако право лица на распоряжение своим здоровьем законодательно подтверждено в нормах Федерального закона № 323-ФЗ, Закона № 4180-1, а также Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», и без его согласия осуществлять какие-либо действия в отношении его организма медицинские работники не вправе, за исключением строго определенных законодательством случаев.

Что касается права лица на дачу согласия третьим лицам на причинение вреда его жизни, то этот вопрос представляется еще более спорным, что обычно обнаруживается в дискуссиях об эвтаназии. С одной стороны, эвтаназия как процедура ускорения по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращением искусственных мероприятий по поддержанию его жизни, запрещена ст. 45 Федерального закона № 323-ФЗ. С другой стороны, согласно ст. 19 того же закона, пациент имеет право на отказ от медицинского вмешательства, что по своей сути может быть пассивной эвтаназией. На это обращала внимание Э. Л. Сидоренко, указывая на явную коллизия норм Федерального закона № 323-ФЗ.

С нашей точки зрения, данная коллизия является неизбежной: предусматривая для медицинских работников запрет осуществления эвтаназии, законодатель при этом не вправе лишать граждан права на отказ от медицинских вмешательств и, как следствие, от медицинской помощи.

В любом случае вопрос об уголовной ответственности медицинского работника за преступление, связанное с его профессиональной деятельностью, решается только в связи с незаконными действиями (бездействием), а значит следует установить, был ли им соблюден законодательно установленный порядок выражения согласия лица на причинение вреда.

Можно заключить, что информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство – это разновидность согласия лица на причинение ему вреда, которое необходимо отнести к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Поскольку государство не должно предоставлять кому бы то ни было право свободно распоряжаться жизнью, при определении соответствующего обстоятельства, исключающего преступность деяния, предлагается прямо на это указать.

С учетом изложенного, представляется целесообразным дополнить главу 8 УК РФ статьей 42¹ следующего содержания:

«Статья 42¹. Причинение вреда лицу с его согласия.

Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом правам и свободам человека после выраженного им согласия на осуществление таких действий (бездействия), если такое согласие являлось действительным, добровольным, своевременным и определенным и было дано в установленном законом порядке.

Согласие на причинение смерти не признается обстоятельством, исключающим преступность деяния».

Библиографический список

1. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. X. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. Москва, 2016. 512 с.

2. Window.edu.ru. URL: <http://window.edu.ru/resource/307/42307/files/gl3.pdf> (дата обращения: 23.04.2020).

3. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. Москва, 1970. 516 с. URL: <http://b-ok.cc/book/3041089/3700b3>.

4. Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976. 121 с. URL: <http://b-ok.cc/book/3176332/11798d>.

5. Орешкина Т. Ю. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // Lex Russica. 2015. Т. 100, № 3. С. 73–85. URL: http://lexrussica.ru/articles/article_101406.html.

6. Савинов А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, причинившего вред с согласия или по просьбе лица // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2011. № 1–2. С. 320–332. URL: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=17642940>.

7. Соктоев З. Б., Ринчинова А. Р. Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 121–129. DOI: <http://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.52.12.121-129>.

8. Панов М. В. Согласие потерпевшего на причинение вреда своему здоровью как обстоятельство, смягчающее ответственность // Аграрное и земельное право. 2010. № 11 (71). С. 117–122. URL: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=16495867>.

9. Сариев О. М. Крайняя необходимость в медицинской деятельности и условия ее правомерности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 11 (139). С. 246–251. URL: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=22665649>.

10. Сидоренко Э. Л. Презумпция согласия потерпевшего в уголовном праве. // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 503–505. URL: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=20303960>.

11. Расторопов С. В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4. С. 83–87. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-na-prichinenie-vreda-sobstvennomu-zdorovyu-i-ego-ugolovno-pravovoeznachenie>.

References

1. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskij kurs* v 10 t. T. X. *Obstoyatel'stva,*

isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya. Pod red. d-ra jurid. nauk, prof. N. A. Lopashenko [Lopashenko N. A. (Ed.) Criminal law. General part. Crime. Academic course: in 10 vols. Vol X. Circumstances excluding the degree of crime]. Moscow, 2016, 512 p. [in Russian].

2. Window.edu.ru. Available at: <http://window.edu.ru/resource/307/42307/files/gl3.pdf> (accessed 23.04.2020) [in Russian].

3. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: v 6 t. T. 2* [Course of Soviet criminal law: in 6 vols. Vol. 2]. Moscow, 1970, 516 p. Available at: <http://b-ok.cc/book/3041089/3700b3> [in Russian].

4. Krasikov A. N. *Sushchnost' i znachenie soglasiya poterpevshego v sovetskom ugolovnom prave* [Essence and significance of the consent of the victim in Soviet criminal law]. Saratov, 1976. 121 p. Available at: <http://b-ok.cc/book/3176332/11798d> [in Russian].

5. Oreshkina T. Yu. *Sistema obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya* [The system of circumstances excluding criminality of an act]. *Lex Russica*, 2015, no. 3, pp. 73–85. Available at: http://lexrussica.ru/articles/article_101406.html [in Russian].

6. Savinov A. V. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya, prichinivshego vred s soglasiya ili po pros'be litsa* [Circumstances, excluding crime acts, reason of harm with the consent or at the request of the person]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [News of the Tula state university. Economic and legal sciences], 2011, no. 1–2, pp. 320–332. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=17642940> [in Russian].

7. Soktoev Z. B., Rinchinova A. R. *Soglasie litsa na prichinenie vreda ego zhizni i zdorov'yu* [Victim's consent on causing of injury to life and health]. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2018, no. 12, pp. 121–129. DOI: <http://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.52.12.121-129> [in Russian].

8. Panov M. V. *Soglasie poterpevshego na prichinenie vreda svoemu zdorov'yu kak obstoyatel'stvo, smyagchayushchee otvetstvennost'* [Consent of the victim to harm their health as moderating responsibility]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 2010, no. 11 (71), pp. 117–122. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=16495867> [in Russian].

9. Sariyev O. M. *Kraynyaya neobkhodimost' v meditsinskoy deyatel'nosti i usloviya ee pravomernosti* [Urgent necessity of medical activity and conditions of its legality]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2014, no. 11 (139), pp. 246–251. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=22665649> [in Russian].

10. Sidorenko E. L. *Prezumptsiya soglasiya poterpevshego v ugolovnom prave* [Presumption of consent of the victim in criminal law]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques], 2010, no. 4, pp. 503–505. Available at: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=20303960> [in Russian].

11. Rastoropov S. V. *Soglasie na prichinenie vreda sobstvennomu zdorov'yu i ego ugolovno-pravovoe znachenie* [Consent to infliction of harm to one's own health and its criminal and legal value]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment], 2015, no. 4, pp. 83–87. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/soglasie-na-prichinenie-vreda-sobstvennomu-zdorovyu-i-ego-ugolovno-pravovoeznachenie> [in Russian].